— Прекрасная мелодия, и слова хороши, — с улыбкой произнесла Фань Жожо, и вздохнула: — У барышни Сан действительно незаурядные способности к пению.

Заслужив похвалы от известной в столице своими талантами барышни Фань, Сан Вэнь получила то, о чём всегда мечтала. Она слегка покраснела и поклонилась.

— От этого «От зимы до зимы исходил сто селений» даже в жаркий летний день становится прохладнее, — Линь Вань’эр тоже склонила голову с одобрением.

Фань Сянь в новой жизни прожил в государстве Цин шестнадцать лет, но не особо любил слушать музыку и часто скучал о песнях Ян Цзунвэя из другого мира. Вспомнив Ян Цзунвэя, он тут же вспомнил часто посещавшего поместье Фань Хэ Цзунвэя и наморщил нос: он беспричинно презирал этого учёного.

Однако фраза из песни Сан Вэнь — «Как бессмертная фея — скромна и прекрасна, утончённая внешность изящно свежа» — пробудила в нём некие мысли. Скромность и утончённость — это белые рукава шёлковых одежд, тонкие шёлковые штанишки, словно абрикосовый цвет. Разве, когда они с Вань’эр впервые встретились у столика для возжиганий в храме Цин, она не была одета в тонкий шёлк, белый, как цветы абрикоса? Правда, пах этот абрикос в основном куриными ножками.

Фань Сянь, непроизвольно взглянув на Линь Вань’эр, обнаружил, что она тоже смотрит на него. Взгляды встретились, и Фань Сянь слегка улыбнулся, а Линь Вань’эр немножко смутилась.

Хотя Е Лин’эр к этому моменту уже признала мастерство Фань Сяня, но, глядя на скрываемое ими волнение, пусть и слегка умилилась, однако почувствовала некое неудобство и сказала, прокашлявшись:

— Я не люблю слушать песни.

Фань Сянь рассмеялся и сказал:

— Кажется, барышня Е такая же неотёсанная, как и я.

Если бы он признался в своём невежестве, то и пусть, но эти слова относились и к Е Лин’эр, поэтому остальные две барышни не смогли сдержать смех, и даже вначале остолбеневшая Сан Вэнь, не удержавшись, кокетливо прикрыла рот рукой.

Сейчас в Горном зале он был единственным мужчиной, рядом сидели сестра и Вань’эр, и Е Лин’эр была рядом с Вань’эр. Фань Сяню было очень приятно находиться в окружении такого цветника. Он вздохнул: эта жизнь была не зря, и эта поездка тоже. Главное, что принцессы Жоцзя здесь нет, с ужасом подумал Фань Сянь. Девушки всё же самые прекрасные создания в

этом мире, но если маленькая девочка всегда смотрит на тебя, как будто вы десять лет женаты, это уже нехорошо.

Как раз в этот момент барышня Сан Вэнь набралась достаточно смелости, вежливо поклонилась и тихим голосом сказала Фань Сяню:

— Посмею просить молодого господина Фань написать слова для песни.

Среди столичных артистов основным была внешняя роскошь, а также общественное положение их поклонников — принц ли слушает твои песни или гогун. Но самым главным, реальной силой, было певческое мастерство. Барышню Сан одновременно почитали принцесса и дочь семьи Фань, она была действительно первоклассной певицей. День и ночь она думала о подходящих мелодиях и словах, и вот ей сегодня улыбнулась удача: она повстречала прославленного поэта столицы, молодого господина Фань. Ей приходилось сдерживаться, однако, невзирая на то, что разница в их статусе была столь велика, она рискнула обратиться с этой дерзкой просьбой.

Фань Сянь вздрогнул, однако сидящие рядом Линь Вань’эр и сестра уже, довольно хихикая, заставили его начать писать. Даже Е Лин’эр удивлённо распахнула глаза, желая узнать, какие же он всё-таки стихи напишет.

Фань Сянь в жутком затруднении был вынужден уйти во внутренние комнаты, разложить бумагу и растереть тушь. Фань Жожо по давно устоявшейся традиции села за письменный стол, взяла кисть и застыла в ожидании. Выглядело это так, словно Фань Сянь был служкой в кабинете учёного, и три вошедшие за ними девушки при виде этой сцены не могли не рассмеяться.

— У сестры почерк лучше, — чуть смущённо объяснил Фань Сянь. Хотя в Даньчжоу он усердно учился каллиграфии, но всё же у его сестры выходило красивее, поэтому он открыто уступил ей место.

Немного спустя Фань Жожо своим изящным мелким почерком записала несколько фраз, которые продекламировал Фань Сянь, и едва они прозвучали, у Сан Вэнь заблестели глаза. В волнении приняв лист бумаги, она тщательно изучила его, и вне себя от радости грациозно поклонилась Фань Сяню.

— Благодарю молодого господина Фань за эти стихи, не в силах даже выразить признательность за великий дар.

Линь Вань’эр и Фань Жожо тоже медленно закивали, считая, что написанные Фань Сянем строки заслуживают называться великим даром. Если Сан Вэнь напишет на них красивую музыку и распространит по столице, пожалуй, она заработает ещё несколько лет популярности.

Сейчас Фань Сянь сплагиатил довольно лаконичные, но исполненные мудрости слова Тан Сяньцзу*:

Никто не тронут красочным пейзажем,

Все отдано упадку, запустению,

А время, что бесценно, ускользает…

Как провести прекрасный теплый день?

Где тот, кто сможет людям дать веселье?

Резные балки, роспись на стропилах

Парящие воздушные мостки,

Беседка под лазурной черепицей

Переливаются подобно облакам.

Вдруг мелкий дождь и мягкий теплый ветер,

Туман скользит над тихою водой —

В нем лодки, разукрашенные пышно.

С младенчества на женской половине,

И не достойна этой красоты.

Видя увлечённые лица девушек, Фань Сянь вздохнул и покачал головой: «Пионовая беседка» всё же выдающееся произведение, однако этот одинокий отрывок, как бы ни был красив, без контекста оказывается словно лишённым сути. Только вот он сейчас был очень занят бизнесом и романтическими отношениями, даже на загородную поездку с трудом нашёл пару дней, когда тут ещё записывать произведение целиком? Какой, оказывается, нелёгкий это труд — распространять прогрессивную культуру!

— Немного слишком трагично, — печально произнесла молчавшая до того Е Лин’эр. Она отреагировала с небольшим запозданием, только сейчас распробовав истинный вкус этих слов.

Вдруг Фань Жожо изменилась в лице: она вспомнила, что строчка «Некому понять красоту восхитительного весеннего пейзажа» уже встречалась ей в «Истории камня», в сцене, где Линь Дайюй ведёт застольную игру. Если Сан Вэнь разнесёт эти слова по столице, разве не станет всем сразу понятно, что «Историю камня» написал её брат? Но глядя на Фань Сяня, как будто бы позабывшего об этом, она лишь порадовалась в глубине души, что её брат приобретёт громкое имя, и невольно улыбнулась, отбросив это дело и забыв о нём.

***

Загородная поездка завершилась ко всеобщему удовлетворению, все получили то, за чем приехали. Е Лин’эр познакомилась с «мелкими уловками», Сан Вэнь заполучила стихи Фань Сяня, Фань Сычжэ набил полное брюхо жареной рыбы и мяса, Дабао вернулся в поместье премьер-министра, ведя в поводу лошадь, Фань Жожо обрела два дня изысканных пейзажей, радости и умиротворения, Линь Вань’эр смогла встретиться со старшим братом. Фань Сянь же приобрёл больше всех, но не мог сказать об этом.

Если бы на этом всё закончилось, все были бы рады. Но, услышав доклад Ван Циняня, Фань Сянь наморщил лоб: он не верил, что такое могло произойти случайно.

Прибывает наследный принц!

***

— Уезжаем!

Услышав, что наследный принц сегодня намеревается посетить летнее поместье, Фань Сянь без лишних слов приказал Ван Циняню организовать отправку всей их компании обратно в столицу. Если блистательный принц приезжает отдохнуть от летней жары, неужто Фань Сянь осмелится занимать его территорию? Тем более что семью Фань, по слухам, относили к стану второго принца, премьер-министр тоже порвал отношения с Восточным дворцом, Контрольная палата во всём хранила преданность его величеству, и хоть за Фань Сянем была достаточная сила, он же и являлся самой ненавистной целью наследного принца. Когда они двое встретятся на узкой дорожке, пусть рядом с Фань Сянем будут «названая принцесса» и барышни Е и Фань, если принц действительно захочет унизить его, у Фань Сяня не будет возможности искать справедливости.

На берегу реки Люцзин, в зелёном бамбуковом чайном домике император как-то говорил, что малыш Фань Сянь должен суметь жить в столице спокойно, однако наследному принцу, по всей видимости, очень не нравилась спокойная жизнь малыша Фань Сяня. Раз мнения отца и сына не совпадали, Фань Сянь не был настолько самонадеян, чтобы считать, что император вступится за ничтожного сына министра и начнёт спорить с собственным.

Так что если он хотел отступить, отступать следовало быстро и аккуратно, чтобы не встретиться с наследным принцем и избежать возможных оскорблений с его стороны, а также не попасть в ситуацию, когда, не сдержавшись, в ответ на оскорбления придётся совершить непростительное преступление и отмутузить принца.

Прибыть с помпой, а уезжать впопыхах было Фань Сяню не по душе. Линь Вань’эр недовольно хмурилась: она не считала брата Чэнцяня врагом, почему же её будущий муж так испугался? Е Лин’эр снова начала презирать Фань Сяня, устрашившегося влияния и знатности — наследный принц, ну и что? Когда-то, когда она была маленькой, император отправил принца в семью Е учиться боевым искусствам, где он бывал и бит.

Фань Сянь же был всего лишь наблюдателем Жертвенного приказа восьмого ранга и внебрачным сыном малозначительного графа Сынаня, когда бы ему, в отличие от двух барышень, с детства вхожих во дворец, освоиться в круге важнейших людей этого мира? К тому же его мышление всегда было гораздо более зрелым, чем у этих девушек, и он понимал, что дело здесь деликатное.

Благодаря его оперативности, к тому времени, когда отряд наследного принца должен был вот-вот прибыть в летнее поместье, отряд Фань Сяня уже находился в пути — они почти разминулись.

И в это время раздался удар гонга, словно на сцене перед началом пьесы. Отряд наследного принца встал, и дворцовый охранник приказал Фань Сяню тоже остановиться. Фань Сянь, отдёрнув занавеску повозки, выглянул безо всякого выражения на лице и увидел ярко-жёлтые цвета императорского выезда и наследника престола — в будущем самого могущественного восемнадцатилетнего юношу Поднебесной — томно вещающего что-то из своей повозки.

Наследный принц Ли Чэнцянь имел приятную внешность, но, казалось, не очень хороший цвет лица — оно было бледновато, а уголки рта темноваты. Сегодня он ехал в поместье в горах, скрываясь от летнего зноя, и даже не думал, что по дороге встретится с сестрой Вань’эр и барышней Е. Обе были его подругами, с которыми они вместе росли, поэтому он остановился, чтобы перекинуться несколькими словами.

Узнав, что Вань’эр провела ночь в загородном поместье, Ли Чэнцянь с тревогой сказал:

— Ты совсем не заботишься о своём здоровье, дворцовый лекарь же сказал, что при твоей болезни опаснее всего простуда.

Рядом барышня Е с улыбкой покачала головой:

— Сестрица Линь может об этом не волноваться, сегодня её сопровождает лекарь.

Линь Вань’эр взглянула на Е Лин’эр, нахмурившись, но потом с улыбкой объяснила:

— Уже давно наступило лето, как я могу простудиться?

Не давая, однако, разговору уклониться в сторону, наследный принц, изрядно удивившись словам Е Лин’эр, начал выспрашивать подробности и узнал, что, оказывается, в одной из повозок находится будущий муж Вань’эр. В удивлении он спросил:

— Тот самый «ночной головорез» из семьи Фань? В последнее время он знаменитость, скорее прикажите ему выйти, чтобы я взглянул на него.

— Ладно, только не пугайте его, ваше высочество, — в некотором затруднении отозвалась Линь

Вань’эр.

Наследный принц нахмурил брови:

— У императорской семьи тоже есть бедные родственники, а вы скоро поженитесь, так что он, можно считать, мой зять. Что может быть страшного в том, чтобы показаться на люди? К тому же через несколько дней батюшка собирается пригласить его во дворец, поклониться тётушкам, — он помолчал и добавил: — Да еще и двор вскоре намерен поручить ему службу, не собирается же он прятаться?

Эти слова прозвучали очень весомо, и оба отряда на какое-то время притихли.

— Приветствую наследного принца, — голос разорвал тишину. Неизвестно когда Фань Сянь уже оказался перед императорским выездом и со скрытой улыбкой вежливо поклонился.

---

* Тан Сяньцзу - выдающийся китайский драматург и поэт времён династии Мин, автор пьесы «Пионовая беседка». За перевод стиха спасибо Edheldhae

http://tl.rulate.ru/book/96718/1733352